

Александр Грин

Волчок

Александр Грин

Волчок

«Public Domain»

1915

Грин А. С.

Волчок / А. С. Грин — «Public Domain», 1915

«На все вопросы, которые задавал мне неприятельский офицер, я отзывался незнанием или нежеланием отвечать, особенно напирая на то, что я русский. Этим я хотел воздействовать на его разум, предоставляя ему воображать себя на моем месте и, следовательно, признать бесспорное право национальности охранять ее общие интересы молчанием. Делая вид, что не понимает столь простой вещи, офицер старательно угрожал мне расстрелом, если я буду упорствовать в отнекивании. Его лицо намеренно оставалось неподвижным, дабы вся сила моего внимания была направлена к точному смыслу угроз, не задерживаясь естественной в каждом разговоре мимикой лица, могущей, помимо воли офицера, создать обнадеживающее впечатление и тем самым оставить то, что я знал, – при мне. Даже голос допросчика звучал, так сказать, по одной линии, одним тоном, в котором ясно чувствовались знаки препинания, обезличивающие произносимое...»

Александр Грин

Волчок

Свирепые голоса вопили у дверей, чтобы им отдали добычу.
Ламартин

На все вопросы, которые задавал мне неприятельский офицер, я отзывался незнанием или нежеланием отвечать, особенно напирая на то, что я русский.

Этим я хотел воздействовать на его разум, предоставляя ему воображать себя на моем месте и, следовательно, признать бесспорное право национальности охранять ее общие интересы молчанием. Делая вид, что не понимает столь простой вещи, офицер старательно угрожал мне расстрелом, если я буду упорствовать в отнекивании. Его лицо намеренно оставалось неподвижным, дабы вся сила моего внимания была направлена к точному смыслу угроз, не задерживаясь естественной в каждом разговоре мимикой лица, могущей, помимо воли офицера, создать обнадеживающее впечатление и тем самым оставить то, что я знал, – при мне. Даже голос допросчика звучал, так сказать, по одной линии, одним тоном, в котором ясно чувствовались знаки препинания, обезличивающие произносимое.

Я хорошо понимал эту игру. Я говорил и держался так же, как офицер. Я смотрел прямо в его скупом мигающие глаза, отвечая на все вопросы самым невыразительным тоном:

– Не знаю... не имею понятия... нет... не скажу.

Остальные германцы, наполнявшие комнату плотной массой здоровых прямых тел, следили за нашей игрой с того рода молчаливой развязностью, какая свойственна умелым, но бездействующим шахматистам, сидящим вокруг занятой другими игроками доски ради удовлетворения спортивного любопытства.

Все они улыбались. В позах их не чувствовалось, как в моей и допросчика, ни малейшего напряжения; они свободно дышали, меняя положение рук и ног, с отвратительной беспричастностью к моему состоянию.

Я отмечаю это как следствие слабо развитого воображения их, – так как даже поверхностное постижение тягости смертной казни в присутствии человека, на нее обреченного, совершенно не допускает улыбки.

Отчасти я, вероятно, сам помогал этой психологической близорукости, будучи внешне равнодушен к своей судьбе; волнение, выраженное слезами и криком, может быть, расшевелило бы скупые нервы этих людей, хотя бы в смысле ускорения неизбежной развязки. Теперь же, привыкшие к сценам допроса и казни, офицеры видели в происходящем известное бытовое явление, названное войною.

Допросчик был смуглый брюнет, с широкими, несколько сведенными спереди плечами и толстыми коленями больших ног, плотно упирающихся в пол. Он держал руки в карманах. Бритое большое лицо с вертикальной складкой над переносьем и ясными, устало прищуренными глазами являло выражение непреклонности. Я понимал это выражение как смертный приговор. Я заранее покорялся ему, предвидя, что, сохранив честь, – понятие, давно утрачено слабыми людьми с широкой натурой, – приобрету тем уважение друзей и отечества. Отечество в эту войну перестало быть для меня отвлеченным понятием: я увидел, что оно состоит из людей, доступных гневу, скорби, жалости и восторгу. Я хотел сохранить уважение этих людей и не противился неизбежному.

Все мы находились в столовой моей квартиры. На буфетной доске валялась забытая детьми игрушка – стальной волчок, состоявший из стержня, пропущенного в подвижное колесо, и обладавший большой длительностью вращения. Он приводился в действие посредством длинной бечевки, наматываемой на трубочку колеса. Старик-офицер с нафабранными усами и лукаво подвижным взглядом, взяв в руки волчок, небрежно трогал колесо пальцем,

извлекая жужжащий звук, напоминающий полет мухи. В это время я произнес уже последнее «нет» на последний вопрос допросчика, и комната погрузилась в молчание.

– Вас сейчас расстреляют, – медленно, с очевидной целью произвести впечатление, сказал допросчик и повернулся к двери, крикнув, чтобы позвали солдат.

В этот момент напряжение мое достигло такой силы, что я несколько секунд плохо различал окружающее, как бы смотря вокруг сквозь матовое стекло. Удары сердца были часты и слабы.

Пересилив предсмертное волнение, я оказался твердо стоящим на ногах и твердо смотрящим на своих палачей, но в состоянии ошеломленности, ибо мозг, повинувшись инстинкту самосохранения, отказывался еще приурочить к себе близость насильственного конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.